
А.А. ПЛОТНИКОВА

**АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В ЯЗЫКЕ
И НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ
ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ АВСТРИИ**

Цель работы – на примере одной, отдельной взятой, традиции, находящейся в иноязычном и иноэтничном окружении, показать сохранение славянских антропоцентричных представлений, которые пронизывают самые разные стороны существования человека: народный календарь, семейную обрядность, мифологические представления об окружающей человека природе, времени суток, погоде и т. д. Такое воззрение на природу, время, пространство отражается в языке (лексике и фразеологии, вербальных клише и устойчивых словосочетаниях, фиксируемых посредством анализа записанных текстов). Полевой материал, используемый в статье, собирался в градищанскохорватском анклав в Австрии на протяжении нескольких лет – с 2007 по 2015¹ г. (подробнее см. Плотникова 2016: 127–134). Выбор для исследования славянского анклава Австрии был обусловлен возможностью проанализировать сохраняющиеся там архаические верования, нашедшие отражение в градищанскохорватском языке (и его диалектах) и зафиксированные в многочисленных этнодиалектных текстах.

Народный календарь градищанских хорватов в самых общих чертах соответствует западнославянской модели, другими словами, в ткань католических праздников вплетаются остатки древнего мировоззрения славян западной части Южной Славии – западнохорватско-словенского ареала (об обосновании такого ареального членения Южной Славии см. Плотникова 2004: 250–252, 308, 333, 717).

Среди архаических явлений в составе зимней обрядности градищанских хорватов следует отметить следы рождественско-новогоднего обряда «полазник» (Среднее и Южное Градище), включающего и

¹ В начале 2015 г. в Вене проводилась беседа с жителями, приехавшими «из Влахины» на «Хорватский бал», а именно из сел Бандол и Подгорье, – Юло Талияном и Анной Балашкович. Благодарю за организацию этой встречи проф. Венского университета Андрию-Зорку Кинду-Берлакович.

звукоподражательные ритуалы с символическим кормлением детей, изображающих детенышей домашней птицы (Южное Градище); рождественско-новогодние обходы парней с прутьями, которыми те символически били девушек с пожеланиями здоровья и счастья (Среднее Градище); ритуалы, направленные на символическое продуцирование роста к Новому году (известные и по всей Хорватии так называемые «сады Адониса») и др. Когда речь идет об антропоцентрических представлениях, т. е. о наделинии неживого мира, окружающей флоры и фауны свойствами человека, то следует выделить характерные для разных регионов славянского мира мотивы чуда в рождественскую ночь, которые у градищанских хорватов реализуются в поверьях об общении **домашних животных**² между собой, разговор которых можно услышать только в это время. Кроме того, на Рождество хозяева обязательно кормили каждое домашнее животное хлебом, чтобы они, как и люди, «почувствовали» значимость пришедшего праздника:

Ali na Božić, na p^uonoćicu, kad bi se tila bit molit(va), odprimi blagu kusić kru(h)a. Gospodar odprimi blagu po maši u n^oći u dvanajesti kad bi tila bit p^uonoćica, smo tili s p^uonoćice koja je htela majka pojt blagu dat kruha. [Zač je to?] To je blagoslov, to je ča bilo... da srića va stanu bude. I blago da bude znalo da je Božić, da se Jezuš narodio. To je, to je bilo znatno! [А на Рождество, в полночь, когда читали молитву, относят скоту кусочек хлеба. Хозяин относит скоту после мессы ночью, в полночь, могла и хозяйка отнести в полночь кусок хлеба скоту. [Зачем это нужно?] Чтобы и скот знал, что Рождество, что Иисус родился. Это, это было важно!] (с. Климпух, 2014, SE).

Выделяя черты антропоморфизма в весенне-летней обрядности градищанских хорватов, можно прежде всего отметить особое отношение носителей этого культурного диалекта к окружающему их природному пространству, которое оказывается «одушевленным». Для хорватского анклава в Австрии характерны ритуальные обходы в так называемые «дни креста» (*Križevski dani*) – три дня перед Вознесением, когда селяне в составе процессии обходят все часовенки (*kapele*), расположенные в разных концах села. В с. Трайштоф в Северном Градище эти часовенки (с иконами или скульптурными изображениями Христа, Богородицы, святых, а также иными атрибутами христианской символики – крестами, свечами и пр.) находятся на севере, востоке, юге и западе территории

² Здесь и далее полужирным шрифтом выделяются субстантивы, объекты, реалии, локусы, состояния и т. д., которым приписываются какие-либо свойства человека.

сельского пространства, при этом, по словам информантов, за время праздников требуется посетить каждую из них, *da nijedna kapela ne ostane žalostna* [Чтобы ни одна часовенка не осталась печальной (из-за того, что к ней не пришли)]. Таким образом, **архитектурные артефакты** окультуренного ландшафта воспринимаются как части живого сельского коллектива.

Подобное отношение к окружающему сельскому пространству ярко прослеживается при полевом исследовании календарного периода перед Пасхой, когда на Вербную субботу (*Macicnu*) собирают и освещают вербовые ветки (*mácice*), чтобы не только заткнуть их в разные части **дома**, домашнего интерьера (у порога, у двери, за икону и т. д.), но и отнести в те части **двора**, которые значимы для хозяев, чтобы все они «получили благословение» (*da to blagoslov doprimi*). По словам пожилых женщин из с. Климпух в Северном Градище, на Вербную субботу идут и затыкают вербовые ветки в **хлев**, в **виноградники**, на **поле**:

To smo tili blagoslov dostat va stan [Это мы хотели получить благословение в дом] (с. Климпух, 2014, KD);

Va saku sobu, va saku kuću. A ja se znam spomenut, mi se još dandanas – i u vinograd, mi imamo vinograde, nosimo u vinograd, idemo macicu posvećenu zataknut. [За ça?] *Blagoslov doprimi* [В каждую комнату, в каждый дом. А я еще могу сказать, что мы до сегодняшнего дня – и в виноградники, у нас есть виноградники, несем в виноградник, идем, чтобы освятить вербовую ветку заткнуть. [Для чего?] Чтобы получил благословение] (с. Климпух, 2014, AZ).

Подобные клише (*blagoslov doprimi*) записаны и от других собеседников. Так, одна из старейших собеседниц, перечисляя все места, куда мать ее посылала воткнуть, заткнуть вербовую ветку с распутившимися почками, называла каждое помещение дома, а также **чердак** и **подвал** – *pivnicu* (т. е. клеть под домом, где хранилось вино): «Oš i na rod! Pojd macicu odprimit» (с. Климпух, 2014, AG). При ответе на вопрос о виноградных лозах за селом прозвучала та же мотивировка, что и в других случаях: «каждый локус должен получить свое благословение». Например:

I to smo tili pojt va vinograd zabost jednu, i na polje – jednu, kamo, sad smo tili imat lapat – kud smo tili pojt za <...> zataknut, zabost jednu macicu. Se tako da to blagoslov doprimi, ne. I polje da doprimi svoje [И это мы ходили на виноградник, чтобы заткнуть одну <ветку> и на поле – одну, если у нас было поле, то туда шли <...> затыкали одну вербовую

ветку. Всё для того, чтобы получило благословение. И чтобы поле свое получило <благословение>] (с. Климпух, 2014, АГ)³.

Сами **святые** у градищанских хорватов часто воспринимаются как люди. Праздники в их честь также персонифицируются. В данном случае речь не только о св. Николае, от которого дети ждут чудесных подарков (соответственно многие информанты и рассказывали, как они рядились в св. Николая и приносили зимой подарки), но и о празднике *Jurjevo*. Сохраняется архаическое поверье о том, что св. Юрий ранним утром в свой день приносит детям сапоги (села Филеж, Мьеново). Мои собеседники вспоминали характерные диалоги-шутки со старшими по поводу «сапог св. Юрия»:

Za Jurjevo su imali. <...> Jutros su htili reć: «Češ pojt pri crikve», za prvi stane mora pojt crikvi, onda sveti Jura čižme delil. ...«Ko kaže?» – «Pa čižme za zimu!» Ka[ž]e: «Moraš pojt crikvi, pa čas od sveta Jura dobit čižme. Ali nek ki prvi dojde!» Sad smo mi htili: «Pojt prvi, tamo čedu dat čižme». Kad smo htili dojt, čižam nije. Pa smo htili domom dojt: «Kako – čižam nije!» – «Kad si nije bio prvi, bil ki pred tobom» [На Юрьево у нас было. <...> Утром нам говорили: «Пойдешь к церкви». Кто первый встанет, должен идти в церковь, тогда св. Юрий раздавал сапоги. ...«Кто сказал?» «Зимние ведь сапоги!» Говорит <отец>: «Должен пойти в церковь, чтобы от св. Юрия получить сапоги. Но только тот получит, кто первый придет!» И мы тогда: «Иди первым, там тебе дадут сапоги». Когда мы приходили, сапог не было. Тогда мы возвращались домой: «Как так – нет сапог?» «Раз ты не был первым, кто-то уже был перед тобой»] (с. Филеж, 2013, МЈ).

Едиличное свидетельство, связанное с растением – «сапогами св. Юрия», которые якобы следовало добыть детям рано утром в день чествования святого, встретилось в с. Климпух:

Onda su tili se pojt va lozu po jedne kitice, čižmice. <...> Tija rasu onda, pa su tili reć: «Onda se po čižmice gre». Ali drugo ča ne znam ni za Djurdjevdan. <...> «Đanas si morate pojt va lozu po čižmice, djurdjice!» To je jako droban cviet, to ima ovako na dvie strane, ovako visoko,

³ Более архаической следует считать мотивировку, характеризующую данные действия как оберег помещений и всего урожая от града, грома, молнии, непогоды: *Da nas očuva od sega zla – od tuče, triskanja i zloga vrimenta, smo tili rieć* (с. Климпух, 2014, АГ); при этом если вербовые ветки оставляли только в комнате, то при приближении грозы их разносили по всем частям дома и двора (с. Климпух, 2014).

ružasto-plavo, ružasto-plavo. Tako, zaistinu nek mali cvietići su tea čiznice [Тогда шли в лес за одними цветочками, «сапожки» называются. <...> Тогда они вырастают, и потому говорили: «Тогда следует идти за сапожками». Но что-либо другое не знаю про Юрьев день. <...> «Сегодня вы должны пойти в лес за сапожками, за джурджевками!» Это очень мелкие цветочки, оно имеет соцветия с двух сторон, такие высокие: розовые – голубые, розовые – голубые. Так, действительно, маленькие цветочки – эти «сапожки»] (с. Клипфух, 2014, АВ).

Сюжет раздачи святым Юрием сапог тем детям, которые встали раньше всех, по-видимому, связан со старинным предписанием бегать в этот день рано утром по полю, по траве босыми ногами. Существует хорватское (и шире – славянское) поверье о том, что именно в праздник св. Юрия «открываются» поля, растительность начинает активно плодоносить, поэтому пробежаться босыми ногами по траве, собирая росу в этот день, считалось полезным как для здоровья человека, так и для урожая. При этом следовало выкрикивать: «Rodi, Bože, rodi!». Соответственно, на уровне игры взрослых с детьми поверье трансформировалось в побуждение, мотивирующее ребенка как можно быстрее прибежать рано утром на праздник в церковь и получить награду – сапоги от самого св. Юрия. Из монографии М. Йорданича, посвященной обычаям Градища, известен еще один вариант, который подтверждает предполагаемую реконструкцию древнего обычая: в соседнем селе Унда (на венгерской территории) рассказывали, что св. Юрий на белом коне скакал через поле и по пути раздавал детям ботинки. Если кого-то в поле не оказывалось, ботинок он не получал, а потому должен был бегать босым (Jordanić 2009: 63).

Персонификация окружающей человека природы проявляется в народных представлениях, относящихся к сфере так называемой низшей мифологии. В Южном Градище считается, что сильный **ветер, вихрь** вызван действиями ведьмы (*viška*), чёрта и других мифологических персонажей, в связи с чем о самих явлениях природы говорится как о действиях этих персонажей: *viške (viška)* ‘вихрь; ветер, который кружится, собирая мусор’ (ср. Нарда, Нова Гора, Пинковац, Клипфух). Нередко можно услышать, что такой ветер отличается от того, что называют *vihor* ‘сильный ветер, ураган’, поскольку «плохой» ветер преследует человека, тянется ему вслед, закручивая предметы на дороге – листья, бумагу. О вихре в Южном Градище также говорят *viške letú* «ведьмы летят» (с. Чемба), *viška táncá* «ведьма танцует» (с. Пинковац). По поверьям из Среднего Градища, раньше существовал якобы и *viškinji kralj* ‘король ведьм’, персонификация сильного вихря.

Следы южнославянских поверий о необычных способностях ведьмы, превращающейся в разных животных и **насекомых**, а также

проникающей ночью в чужой дом всеми возможными способами (например, через замочную скважину) и т. п., обнаруживаются в названиях больших ночных бабочек, называемых у градищанских хорватов *viške* (ср. Нарда, Трайштоф). Собеседники нередко уточняли, что *viške* – это именно большие, белые или черные ночные бабочки, которые отличаются от обычных мотыльков, летящих в ночи на свет лампы. Следует добавить и о персонификации **болезней** человека, связываемых здесь с вредоносными действиями ведьм. Так, о тяжелом дыхании человека ночью (например, если человеку не хватает воздуха во сне или снится страшный сон) также говорилось: *viška gnjavi* «ведьма давит» (с. Климпух), некоторые собеседники подчеркивали, что речь идет о болезни, которая вызвана якобы тем, что ведьма приходила ночью к человеку и давила его в области груди. Если сильно болел маленький ребенок или новорожденный, то употреблялось устойчивое словосочетание, основанное на тавтологии слова *viška*: *viška zaviškala* «ведьма заколдовала» (ср. Климпух, Мьеново); при этом полагали, что это произошло из-за магических действий ведьмы.

В Южном Градище последовательно фиксировались поверья, связанные с персонификацией ночного **времени суток**. Опасным здесь считался мифологический персонаж *mрак*, *mračnják* (букв. ‘темнота’), нападающий на людей и маленьких детей при наступлении сумерек. От него специально оберегали новорожденных: в связи с возможностью его появления в комнате, где находился младенец, ночью не гасили свет, при наступлении сумерек убирали со двора пеленки, полагая, что персонаж может принести ребенку болезнь: *onda mрак dojde na dijete* [Тогда «мрак» навалится на ребенка] (Нова Гора, VI). Эти представления имеют прямые аналогии с соответствующим персонажем *mрак* в самой Хорватии, подробнее о персонификации темного времени суток и распространении персонажа *mрак* (*potračina*, *mračina*) в Хорватии см. (Плотникова 2013: 135–136). Отметим, однако, что у градищанских хорватов, помимо собственно персонификации темного времени суток – мрака, зафиксирован и некоторый «самостоятельный» мифологический образ на его основе – *mračnják* (с. Нова Гора), *mračnják* (с. Пинковац), имеющий облик человека, который появляется ночью и налегает на грудь людям (ср. Нова Гора, Пинковац): «*corpet me davil v noči!*» [опять меня душил ночью!] (с. Пинковац, MS). Чтобы защитить от него младенца, на ночь оставляли в колыбельке чеснок (с. Пинковац), ср. персонаж *mора* у южных славян (подробнее о «море» / «зморе» см., например, Левкиевская 1999)⁴.

⁴ Очевидно, что функции не сохранившегося у градищанских хорватов мифологического персонажа (*z)mora* распределяются между «ведьмой» (*viška*) и «мрачняка» (*mračnják*).

Особенно интересными у градищанских хорватов оказались представления о **погоде** в вечернее и утреннее время суток. Необычное небесное явление – красное зарево на небе перед наступлением сумерек – в средней части Бургенланда (и иногда в южной) считалось знаком-предвестником войны, что является одной из известных погодных примет у славян (ср., например, Гура 1995: 407 с пометой «н.-луж.»). Таковым, по мнению моих собеседников, было небо на закате перед началом Второй мировой войны (Среднее и Южное Градище). Вместе с тем, в ряде сел Северного и Среднего Градища возможны иные трактовки огненно-красного неба на закате. В одном только селе Климпух (Северное Градище), находящемся на пограничье со Средним Градищем, можно услышать несколько ответов на вопрос, что означает данное явление, которые сводимы к единой формуле «Некто печет на небе хлеб»: *Babe na nebi kruh peću* (Бабы на небе хлеб пекут); *Majka Božja / Marija (na nebi) kruh pećé* (Богоматерь / Мария (на небе) хлеб печет) и т. п. Встретился также один вариант без агента действия: *Va nebi kruh peću*. Вопрос, кто же это делает, остался без ответа, поскольку собеседник, не зная, кто бы это мог быть, перешел на другую тему. В Среднем Градище (а именно там развиты представления о мифологических существах «вилах»), в с. Филеж на пограничье с Венгрией, записан также текст, из которого следует, что и красное зарево на вечернем небе, и алая утренняя заря приписывались чудесным существам – «белым вилам», которые в 12 часов ночи танцевали в лесочке, а затем пекли там хлеб:

Ovde na Fileži <...> mala lozica, to je sitina, pa va toj sitini va toj lozi su tili pojt, pa u dvanaesti tancat, plesat, pak su tile onde kru(h) peć. Kakve su te peći bile, nigdo ni vidil, ali su mislili: ovde vile kru(h) peću, pa bi htilo nebo bit jutro črljeno od sunca – opet su bijele vile kru(h) pekli! Kaze: nebo črljeno. Toga kruha nigdo i ni vidil, al' tako su htili reć» [Здесь в Филеже <...>, небольшой лесок, густой кустарник, в этот лес они ходили, и давай после двенадцати часов плясать, и тогда пекли там хлеб. Что там за печи у них были, никто не видел, но думали: здесь «вилы» пекут хлеб; если небо на следующий день было красным от солнца – опять говорили: здесьвилы хлеб пекли! Говорят: «Небо красное». Этого хлеба никто никогда не видел, но так говорили] (с. Филеж, 2013, МЖ).

О «вилах», которые «пекут хлеб на небе», хотелось бы сказать несколько подробнее. По всей видимости, это самая архаичная форма данного выражения о красном зареве на небе перед сумерками (а впоследствии – и о любом красном зареве на небе). Помогать людям, печь хлеб – одна из функций добрых «белыхвил», о которых до сих пор сохраняются мифологические представления у хорватов, проживающих в Австрии, а именно в

Среднем и Северном Бургенланде. Схожими оказываются представления о добрых вилах, помогающих людям (см., например, представления о вилах в Прекмурье – Kelemina 1997: 161, Похорье – Gričnik 1995: 250–251, Межишкой долине – Verdinek 2002: 36), на соседней словенской территории, что еще раз подтверждает единство западнохорватско-словенского ареала по ряду признаков из сферы культурной ареалогии. Не случайно, что замена субъекта действия в северноградишанском селе Климпух – это «Божья Матерь, Мария». Видимо, с утратой представлений о «вилах» (а эти нарративы в настоящее время практически исчезают) вакантное место субъекта действия в этом выражении оказывается занято святой с высоким сакральным статусом (Богоматерью) как свидетельство необычности явления и его связи с иным, в данном случае божественным, миром. Как видим, на основе архаических представлений жителей островного ареала – Бургенланда – прослеживаются возможные варианты устойчивой паремии, характеризующей алое небо на закате (или заре): *Va / na nebi kruh pečú* [В / на небе пекут хлеб].

Отдельно следует сказать о **деревьях**, которым приписываются свойства человека и шире – некоего раздающего здоровье существа, которое, как и саму **землю**, где они произрастают, следует лишь хорошо попросить о чем-либо. Так, в семейных обычаях, связанных с уходом за маленьким ребенком, известна формула, распространенная практически во всех южнославянских регионах: слова просьбы произносит ребенок, у которого выпал первый молочный зуб, бросая зубик подальше от себя: «*Na tebi voščani, a meni daj koščani*» [На тебе <зуб> из воска, а мне дай из кости]. В записанных формулах у градишанских хорватов на юге страны адресат формулы никак не выражен. В беседе с жительницами Пинковаца хотелось понять, каким способом и куда именно кидали зуб: на чердак, на крышу дома, на плодоносящее дерево и т. д. Из объяснений выяснилось, что ребенок должен был бросить первый молочный зуб через плечо назад за спину не глядя. Оказалось, что было неважно, куда именно попадет брошенный ребенком молочный зубик, поскольку верили, что если он падал на землю, то именно земля должна была дать подрастающему ребенку коренной зуб вместо молочного, а если на дерево – то дерево.

В других южнославянских регионах адресат обращения обычно известен и даже называется в самой формуле, например, у южных славян это может быть мышь, ворона и даже «вила». Например, в Славонии ребенка с первым выпавшим зубом посылали на чердак, где он бросал зуб со словами: «*Miš! miš! Evo tebi zub kosteni, a ti meni daj gvozdeni!*» [Мышь! Мышь! Вот тебе зуб костяной, а ты мне дай железный!] (Pić 1846: 28). В восточной Герцеговине зафиксировано обращение к виле – ребенок бросал зуб через дерево и говорил: «*Дай ми, виле, гвозден зуб, ево теби коштан зуб! Зуб колик зуб, ја колик дуб!*» [Дай мне, вила, железный зуб,

вот тебе костяной зуб! Зуб как зуб, я как дуб!] (Грђић-Бјелокосић 1896: 146)⁵. На фоне приведенных южнославянских словесных формул особое внимание обращает на себя диалог из Южного Градища:

– [Что говорили, когда выпадает первый молочный зуб?] *To su mogli: "Ja ću tebi dat vošćenoga, ti meni daj zlatoga"* [Говорили: «Я тебе дам костяной, а ты мне дай золотой»].

– [А к кому так обращались?] *Kamo je to zaletit moglo. Kad je ná zemlju, tad je to mogao zemlji reć. Kad je kade, da* [Куда бы он залетел. Когда на землю, то земле бы так говорил Когда как, да] (с. Пинковац, 2014, ER).

В данном случае характерно наделение способностью «давать добро, силу» окружающего пространства, в частности земли и деревьев, что представляется более архаичной моделью, нежели приведенные выше обращения к мелким грызунам и птицам, которые в определенном смысле можно назвать «игровыми».

Дерево – огромная елка – в семейно-календарных обычаях градищанских хорватов-чакавцев на юге могло выступать в функции потешной замены невесты жениху-неудачнику, не сумевшему расстаться с холостой жизнью во время Масленицы. В диалогах на эту тему жители специально подчеркивали, что «ель становилась его невестой» (*Jelva mu je zaručnica*, Нова Гора, Пинковац). В других частях Градища неженатые парни тянули также дуб, соответственно ритуал назывался *rast vluć* (Мьеново в Среднем Градище), *raz vleć* ‘тянуть дуб’ (с. Чемба в Южном Градище), или сосну (*bor vleći* ‘тянуть сосну’, с. Нарда в Южном Градище на стороне Венгрии). В селе Нова Гора («штойи» в южном Градище) рассказывают, что последний раз такой обряд проводился в 1995 году. Была срублена и украшена огромных размеров ель, которая стала «невестой» сидящему на высокой повозке жениху. Люди парами (одевшись как «женихи» и «невесты») тянули сооружение из ели и повозки с двух сторон за длинные палки, прибитые к стволу дерева (*sópluh vlikli* [тащили дерево]):

U lozi mogli veliko... jelvu, pa tu su mogli nakinćit, pa onda su skupa zeli, pa tako sum ogle te starije divojke pa staroga ditića posadit na ovu <...> Sópluh oni su mogli vleć. Oni su mogli i korunu oš drauf oblič. A zaručnik je drauf sidi(l) onda, ne? Stari junak <...>, to onda zaručnik bi, ta sopluh ženi(l), ne? On je sidil, a te drugi su ga vozili. Imali driva poprik. Tuda smo se držat moráli. Onda ta sopluh ženil, ne? [В лесу

⁵ Об обращениях детей к вороне в восточной Сербии в подобных случаях см. (Ђорђевић 2002: 98).

большое... большую елку⁶ <рубил> и украшали, и все вместе тащили, засидевшиеся в девках сажали «старого» неженатого парня на елку⁷. Ствол тащили. Могли еще и корону на парня надеть. Жених сидел тогда наверху, нет? Старый парень <...>, это жених тогда был, дерево выходило замуж, нет? Он сидел, а все остальные его везли. Были палки поперек. За них мы должны были держаться. Тогда это дерево выходило замуж, не так ли?] (с. Нова Гора 2013; IB, КК).

Процессия с елкой шла по дороге через всё село (около трех километров): сначала тащили сооружение снизу вверх, затем в обратном направлении. Около церкви происходила имитация самой свадьбы: «масленичный священник» (ряженный) венчал неженатого мужчину:

Po cisti <sopluh vlikli>. Daljni put je bil, na trgu je bilo vjenčanje. Tako mesopusni farnik je isto peljal <...> Po istoj navadi kao i običajan pir u Novoj Gori. On je isprosió zaručnicu, ne, a kad je taj sopluh zaručnica. To nije pravi farnik, to je isto junak ki se preopravi na farnika <...> Vjenčanje je ovde prid crikvom, da. [По дороге «тащили ствол». Далекий путь был, на площади происходило венчание. Так и масленичный священник тоже шел <...> По такому же обычаю, что и обычная свадьба в Новой Горе. Парень посватался к невесте, а невеста – это дерево. И это был не настоящий священник, нет, тоже парень, который переоделся как священник <...> Венчали их здесь перед церковью, да] (с. Нова Гора, 2013, КК).

Следует обратить внимание и на ботаническую лексику градищанских хорватов. Самые распространенные **цветы** на кладбищах градищанских хорватов – анютины глазки, или фиалка трехцветная (*Viola tricolor*), гр.-хорв. *sirotice*, т. е. «сиротки»: *Mi, i moji starije, ož imamo na saki kraj tako posadjeno – sirotice-kitice* [Мы, да и мои родители, всё ещё сажаем <на могилах> с каждой стороны цветы фиалки] (с. Пинковац, 2014, ER). На вопрос, почему именно следует сажать эти цветы на могилах, собеседники отвечали: *Tužno* [Печально]. Объясняли такую печаль грустным названием цветка и особенностями номинации: печальные цветы-«сиротки» подчеркивают скорбь и печаль близких по ушедшим родственникам и друзьям. В Пинковаце (Южное Градище) наименование фиалки трехцветной связывают с тем, что разные лепестки цветка символизируют мачеху, ее родных

⁶ Использовалась либо ель, либо лиственница: «Jelva, smirike. Navijeno» [Елка, лиственница. Украшенная] (с. Нова Гора, КК).

⁷ На фотографиях 1995 г., запечатлевших этот обычай, неженатый мужчина – основной персонаж действия – сидел на высокой повозке.

дочерей, а также несчастных падчериц, которые вынуждены ютиться на одном чашелистике сверху. Здесь можно было бы предположить влияние австрийской германоязычной среды на жителей Градища, т. е. кальку с нем. *Stiefmütterchen* бот. ‘анютины глазки’ (*Viola tricolor*), деминутив от ‘мачеха’ (*Stiefmutter* ‘мачеха’, тогда как, например, *Stiefkind* ‘пасынок, падчерица’). Однако если немецкое наименование указывает на условную «мачеху» (основной свисающий лепесток), то гр.-хорв. *sirotiće* выделяет специфику двух верхних лепестков цветка, которые, по объяснению из Южного Градища, «сидят на одном стуле» (*ka[že]: dvije si skupa stisnite* [говорит: вы две вместе сожмитесь])⁸, т. е. размещены над одним чашелистиком, соответственно средние лепестки по краям в представлении жителей – «родные дочери мачехи», потому как каждая сидит на «отдельном стуле» (*saka imaju nje pravo koliko ga mati ima* [каждая имеет своё право, столько же, сколько есть у матери]), т. е. размещается над своим отдельным чашелистиком:

Vidite, gledajte, ovó je mačaha, nje saka kćer ima jedán stolác, a sirotiće morá ju si dvije na jedném stolcú sidíti! Zano ovi dvije su skupa, a ová ima saka samá, ovó je mačaha. Zano ovóme rečiú: sirotiće [Видите, посмотрите, это мачеха <показывает на нижний свисающий лепесток>, каждая ее дочь имеет один стул <показывает на лепестки по краям>, а сиротки <показывает на двоянные верхние лепестки> должны вдвоем на одном стуле сидеть! Поэтому эти две вместе, а эта каждая отдельно, это мачеха. Поэтому говорят: «сиротки»] (с. Пинковац, 2014, ER).

Именно южнославянские наименования цветка чаще ориентированы на условное обозначение сирот, падчериц, тогда как немецкие аналоги – на их мачеху⁹. П. Софрич приводит в своем словаре сербскохорватские названия цветка *сирота*, *сиротица* («сирота, сиротка»), но также и серб.-луж. *сиротка* наряду с *мацошка* ‘мачеха’ (Софрић 1912: 80). Аналогично в словенском языке: *sirotica* наряду с *mačeha*; ср. чешские названия цветка *sirotky*, *sírotka*, *máčoška*, *maceška*, см. подборку названий фиалки трехцветной в книге В.Б. Колосовой (Колосова 2009: 167)¹⁰. Софрич обращается к немец-

⁸ В объяснении символики лепестков иногда появляется и прямая речь мачехи, приказывающей падчерицам сидеть на одном стуле.

⁹ Ср. выводы Е.Л. Березович (на материале русской лексики и шире – славянской) о специфике номинаций с помощью элементов комплекса родства, когда «выбираются названия родственников, чьи семейные связи нарушают норму (вдова, мачеха, сирота)» (Березович 2014: 229).

¹⁰ Автор книги, цитируя Махека (Machek 1954: 71–72), упоминает и еще одну мотивировку «печальных» наименований цветка, не связанную

кой этимологической легенде, связанной с названиями цветка: «Одна мачеха (широкий лепесток внизу цветка) до такой степени завладела всем домом, что потеснила своих падчериц. Рядом с ней сидят ее дочери, красиво одетые и удобно расположившиеся, а рядом – две падчерицы, сжавшись. Но добрый Бог, будучи разгневан такой несправедливостью, наказал мачеху: она, бывшая раньше наверху, теперь оказалась внизу, да еще с горбом (цветной выемкой вверх), ее дочери – тоже помечены, а падчерицы оказались наверху» (Софрин 1912: 80). На основании легенды автор делает вывод, что «поэтому немцы называют растение “мачехой”, а из того же источника, должно быть, и славянские наименования *мацошка* и *сиротка*» (Там же).

Если обратиться к ареалу предполагаемой первичной территории расселения хорватов-градищанцев в областях южнее Загреба, то можно видеть, что в этнографических описаниях из ближайших областей фиксируются народные объяснения, аналогичные услышанным и записанным в Южном Градище. М. Ланг в разделе о растениях из окрестностей Самобора приводит названия цветка – в этом крае, помимо *daninoć* ‘день и ночь’¹¹, также и *mácahica*, *mácaha*. Однако в разъяснении уточняются народные представления о фиалке трехцветной, связанные, как и у градищанских хорватов, не с положением лепестков (верх – низ), а с количеством обрамляющих лепестки чашелистиков («стульчиков»): «Отдельные лепестки означают: нижний лепесток – мачеха, два средних – правый и левый – это ее дочери, тогда как верхние два – падчерицы мачехи. Чашелистики означают стульчики, два повернуты вниз, к лепестку мачехи, справа и слева – по одному к лепесткам ее дочерей, и только один – наверх, к ее дочерям». Далее следует текст из окрестностей Самобора, практически повторяющий нарратив из Пинковаца (несмотря на то, что наименование цветка здесь связано с мачехой, а не «сиротками»): «... a to znači: mačuha sjedi na dva stolca, svaka njezina kći ima svoj stolac, a obje pastorkе moraju da sjede na jednom stolcu» [А это значит: мачеха сидит на двух стульях, у каждой из ее дочерей есть свой стул, а обе падчерицы вынуждены сидеть на одном стуле] (Lang 1911: 39).

Размышления о названиях цветка, мотивированных народными представлениями о расположении лепестков (символизирующих «дочки-матери») и чашелистиков (относящихся к указанию на их место в семейных отношениях), позволяют прийти к заключению о том, что калька с немецкого является очень древней. При этом традиционный

с символикой семейных взаимоотношений: фиалка часто расцветает в последние месяцы осени, когда всё убрано в поле, где она выглядит как сиротка, см. (Колосова 2009: 167).

¹¹ Благодаря контрастной расцветке – светлой (в середине) и темной (по краям) (Lang 1911: 39).

текст о семейно-родственных отношениях становится источником наименований двух типов, и на славянской почве возникают наименования цветка, связанные с обозначением неродных детей мачехи, что отражает град.-хорв. *sirotica*. Сам нарратив из Южного Градища почти дословно соотносится с текстом, записанным в окрестностях Самобора М. Лангом в начале XX века. Это, в частности, подкрепляет предположения о происхождении хорватов сел Южного Градища из региона на стыке окрестностей Самобора, смыкающихся с Ликой и Кордуном, откуда те и принесли свои традиции на север Австро-Венгрии.

Обзор антропоцентричных представлений в селах Градища в Австрии и Венгрии, т. е. в изолированном от основной территории расселения славянском анклав, показывает сохранение ряда архаических представлений южных славян в островном культурно-языковом ареале. Процессы перенесения свойств человека на явления и предметы окружающего мира являются универсальными, вместе с тем для каждого славянского ареала выделяется своя специфика; особенно ценными представляются случаи сохранения исконных культурных текстов, по которым, в частности, можно с достаточной долей уверенности судить как о первичной территории проживания переселившихся народов, так и о более широких культурных ареалах, а именно – о словенско-западнохорватском.

Список информантов

- AB – Анка Бирич (*Anka Biricz*), 1955 г. р., 8 кл., с. Климпух (Klingenbach).
AG – Агнес Грегориц (*Agnes Gregorits*), 1926 г. р., 8 кл., с. Климпух (Klingenbach).
AZ – Агнес Зарич (*Agnes Zarits*), 1953 г. р., 8 кл., с. Климпух (Klingenbach).
BI – Блондина Ивкович (*Blondina Ivkovits*), 1931 г. р., 8 кл., с. Нова Гора (Neuberg im Burgenland).
ER – Эмилия Радакович (*Emilia Radakovizs*), 1935 г. р., 8 кл., с. Пинковац (Güttenbach).
IB – Ида Бойшич (*Ida Boisitz*), 1934 г. р., 4 кл., с. Нова Гора (Neuberg im Burgenland).
JT – Юло Тальян (*Julo Tallian*), 1954 г. р., 8 кл., с. Бандол (Rumpersdorf).
KD – Катарина Диханич (*Katharina Dihanits*), 1919 г. р., 8 кл., с. Климпух (Klingenbach).
KK – Карл Кнор (*Karl Knor*), 1963 г. р., с. Нова Гора, высшее образование, директор средней школы в с. Нова Гора (Neuberg im Burgenland).
MB – Мирко Берлакович (*Mirko Berlakovich*), 1941 г. р., с. Велики Бориштоф, высшее образование, бывший директор школы в с. Велики Бориштоф (Grosswarasdorf).

MJ – Мартин Йорданич (*Martin Jordanich*), 1935 г. р., с. Филеж (Nikitsch), высшее образование, местный краевед, автор книги (Jordanić 2009).

MK – Мария Кузмич (*Maria Kuzmits*), 1928 г. р., Мьеново (Kroatisch Minihof) (вышла замуж в село Мьеново из с. Филеж в 1962 г.).

MS – Матильда Шварц (*Matilda Schwarz*), 1943 г. р., 8 кл., с. Пинковац (Güttenbach).

SE – Стефан Айзнер (*Stefan Eisner*), 1940 г. р., 8 кл., с. Климпух (Klingenbach).

Литература и источники

Березович 2014 – *Березович Е.А.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.

Грђић-Бјелокосић 1896 – *Грђић-Бјелокосић Л.* Народна гатања // *Glasnik Zemaljskog Muzeja*. Сарајево, 1896. Књ. VIII. С. 141–159.

Гура 1995 – *Гура А.В.* Война // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 1995. Т. 1. С. 407–408.

Ђорђевић 2002 – *Ђорђевић Т.Р.* Животни круг. Рођење, свадба и смрт у веровањима и обичајима нашег народа. Београд, 2002.

Колосова 2009 – *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

Левкиевская 1999 – *Левкиевская Е.Е.* Змора // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 2. С. 341–344.

Плотникова 2004 – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2013 – *Плотникова А.А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013.

Плотникова 2016 – *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.

Софрић 1912 – *Софрић П.* Главније биље у народном веровању и певању код нас Срба. Београд, 1912 (Репринт 1990).

Gričnik 1995 – *Gričnik A.* Noč ima svojo moč, Bog pa še večjo. (Založba «Kmečki glas».) Ljubljana, 1995.

Ilić 1846 – *Ilić L.* Narodni slavonski običaji. Zagreb, 1846.

Jordanić 1999 – *Jordanić M.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov = Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež; Nikitsch, 2009.

Kelemina 1997 – *Kelemina J.* Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva z mitološkim uvodom. Ljubljana, 1997.

Lang 1911 – *Lang M.* Bilje // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. Zagreb, 1911. Knj. 16. Sv. 1.

Machek 1954 – *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.

Verdinek 2002 – *Verdinek B.* Lesene cokle. (Založba «Kmečki glas».) Ljubljana, 2002.